

Когда Ши Юньнань поднялся на крышу, ночной ветер свистел в ушах.

Отель предусмотрительно установил по периметру высокие ограждения и замки на выходе, чтобы предотвратить несчастные случаи.

Ши Юньнань осмотрелся и направился к бетонному ограждению вокруг водонапорной башни.

Подойдя ближе, он увидел за ней человека.

Юань Жуй сидел, прижавшись спиной к стене, обхватив колени руками. Его лицо было скрыто, но слышались тихие всхлипывания.

В этот момент от его обычной дерзости не осталось и следа.

Ши Юньнань с облегчением вздохнул:

— Сколько тебе лет? Прячешься тут и ревьешь?

«...»

Плечи Юань Жуя напряглись. Он медленно поднял голову.

На крыше горела лишь старая тусклая лампа прямо над ними, но света хватало, чтобы разглядеть друг друга.

Увидев Ши Юньнана, Юань Жуй попытался сохранить достоинство: — Ты как здесь оказался? И как догадался, где я?

Ши Юньнань поставил на землю упаковку охлаждённого пива: — На ресепшене сказали, что ты не спускался. Другие этажи — это в основном номера и банкетные залы. Подумал, что ты мог только наверх пойти.

Он достал банку пива и протянул её: — Держи.

Юань Жуй колебался, но, понимая, что сегодня уже потерял лицо, махнул рукой и взял пиво: — Фу, пиво... Разве этим напиться можно?

Ши Юньнань фыркнул: — Тогда не пей. Лучше приложи к своей роже — опухла, как шар.

«...»

После пощёчины правая щека Юань Жуя действительно распухла, а красные от слёз глаза и нос добавляли ему жалкого, но странным образом милого вида.

Хорошо ещё, что лицо у него симпатичное — иначе смотрелся бы совсем печально.

Юань Жуй промолчал, прижав холодную банку к щеке. От резкого прикосновения он дёрнулся и неловко посмотрел на Ши Юньнана.

Тот рассмеялся, достал из кармана пальто фляжку с крепким алкоголем: — Держи. Самое крепкое. Если опьянеешь — не взыщи.

Юань Жуй уставился на фляжку. Внезапно его охватило странное чувство...

Чёрт.

Ши Юньнань и правда такой... понимающий?

Как он догадался, что мне хочется чего-то покрепче?

Ши Юньнань сел напротив: — Не смотри на меня так жалобно. Я человек семейный.

— ...Ши Юньнань!

Юань Жуй скривился, открывая фляжку зубами: — Не зазнавайся. Ты мне не интересен.

Резкий запах алкоголя ударил в нос, заставив его закашляться.

Ши Юньнань поднял банку пива, чокнулся с ним и отпил.

Юань Жуй украдкой наблюдал за ним, уголки губ непроизвольно дрогнули, но он тут же сдержался.

Раньше после ссор с отцом он либо напивался в баре, либо срывал злость в одиночестве.

Он всегда ненавидел, когда в такие моменты ему мешали. Но сейчас, глядя на Ши Юньнана, он впервые подумал...

Хорошо бы, если бы он был моим другом.

Они молча пили, пока ночной ветер понемногу разгонял хмель в крови.

Юань Жуй, заливая в себя алкоголь вместе с обидой, через полчаса не выдержал: — Ши Юньнань, тебе разве не интересно, что там произошло? Вы же в соседнем зале сидели. Всё слышали?

Ши Юньнань потряс банкой: — Почти ничего не слышал. Не переживай, я не стану расспрашивать. Подожду, пока ты выпустишь пар и убежусь, что с тобой всё в порядке — и оставлю тебя одного.

Слова звучали холодно, будто Юань Жуй был ему безразличен.

Но в то же время — тактично. Без допросов и насмешек, лишь с тихим присутствием.

Юань Жуй дрогнул: — Почему? Из-за того случая в магазине?

Ши Юньнань не стал отрицать: — Я не люблю оставаться в долгу.

Юань Жуй скривился: — Я тогда не для тебя старался. Просто мимо проходил.

Ши Юньнань промолчал. Юань Жуй, не выдержав тишины, заговорил: — Отец у меня такой. Обычно он при посторонних меня не бьёт.

«...»

Ши Юньнань удивился. Он ожидал потоков ненависти в адрес отца, но Юань Жуй первым делом... оправдывал его?

— Моего отца ты видел. Он намного старше родителей моих ровесников.

Юань Жуй не смотрел на Ши Юньнаня, будто говорил сам с собой.

— Наша семья занимается резьбой по нефриту уже пять-шесть поколений. Говорят, работы моего прапрадеда даже во дворец поставлялись.

В те времена, когда образование было не у всех, в ремесленных кругах царило правило: Строгий учитель — талантливый ученик.

Побои и наказания от наставника были обычным делом.

Те, у кого был талант и терпение, перенимали мастерство. Остальные — уходили.

— Отец учился у деда так же — через побои. Мама говорит, он всё глубже погружался в это ремесло, не признавая ничего другого.

Семейные правила Юаней гласили: посвети себя резьбе по нефриту, не распляйся.

— Меня он зачал уже под пятьдесят. Любит, но все надежды возлагает на меня.

Юань Жуй глотнул из фляжки, закашлялся и продолжил: — На мою первую годовщину устроили церемонию «выбора пути». Я потянулся к нефритовой печати отца. Гости наперебой твердили: Пойдет по стопам отца, Прирожденный мастер.

Теперь он понимал — бремя легло на него тогда.

В шесть-семь лет, когда другие дети играли, он уже держал в руках резец, сгорбившись за рабочим столом.

— Руки были слабыми, резец и камень — твердыми. Даже вырезая простой иероглиф, стирал пальцы в кровь. Однажды не выдержал, заревел и швырнул камень. Отец выпорол меня ивовыми прутьями.

Боль запомнилась так ярко, что даже сейчас он чувствовал её.

Ши Юньнань нахмурился.

Ивовые прутья? Слишком уж старомодные методы.

В шесть-семь лет он ещё сидел на руках у матери, а его «отец» Ши Шэн хотя бы притворился родителем.

— Мама говорила, что я — его кровь, поэтому требования ко мне строже. Лу Чжаоань — приёмный, отец относится к нему как к сыну, но бить не смеет.

— Я верю! — Юань Жуй кивнул, затем горько добавил: — Но у Лу Чжаоаня всё получается. Его не за что бить.

— В некоторых делах нужен талант! — Горечь в его голосе стала гуще. — Лу Чжаоань с первого взгляда видит, как резать камень. Я — нет. Когда я натренировал глаз, его работы уже продавались в магазине.

Опыта у него было меньше.

Таланта — тоже.

Живя под одной крышей, учась у одного мастера, он вечно проигрывал в сравнении.

— Я знаю, отец разочарован. Он злится, что я не продолжаю семейное дело, поэтому, хваля Лу Чжаоаня, всегда добавляет: А ты посмотри на своего старшего брата! Как мог я родить такого никчёмного сына!

«...»

Ши Юньнань молча слушал, давая ему выговориться.

Но он понимал — у каждого подростка есть своя натура. Долгое существование в тени другого неизбежно приводит к проблемам.

Юань Жуй горько усмехнулся, его голос дрожал: — Я знаю, что никогда не сравняюсь с Лу Чжаоанем. Он — луна на небе, а я — грязь под ногами. Для отца, для всех резчиков по нефриту, даже для самого Лу Чжаоаня — я всегда буду недостаточно хорош.

Недостаточно хорош, чтобы стоять с ними наравне.

Его бунтарство, напускная дерзость, пренебрежение правилами — всё это было жалкой попыткой сохранить лицо.

— Я хотел доказать, что даже без резьбы по нефриту смогу прожить свою жизнь! — Юань Жуй самокритично хмыкнул: — Да, это по-детски. Но другого способа я не нашёл.

А в ответ получал лишь новые ссоры и побои.

— Чем сильнее ты сопротивляешься, тем больше показываешь, что семья для тебя важна, — безжалостно констатировал Ши Юньнань.

Настоящее безразличие — это как у него с семьёй Ши. Уйти, не оглядываясь.

Юань Жуй впервые не стал спорить: — Верно. Потому что я ношу фамилию Юань! Пусть я неудачник, но я не могу смотреть, как наш дом катится в пропасть!

— Ты думаешь, как они, что мне важны только деньги семьи? — Юань Жуй покачал головой. — Ошибаешься.

Он знал, что Лу Чжаоань куда лучше справится с управлением компанией, и не держал на него

зла.

Но годы унижений и растущей неуверенности не позволяли ему признать это вслух.

— В день происшествия в хранилище Се Кэюэ предложил инвестировать в новое направление — дизайн украшений из нефрита, с распределением прибыли по акциям.

Ши Юньнань едва заметно усмехнулся.

Значит, сюжет всё же повторяется. Се Кэюэ не упустил шанс заработать на семье Юань.

— Сначала я отказался, — продолжил Юань Жуй.

Во-первых, проект курировал Лу Чжаоань, и он не хотел вводить нового инвестора, который мог бы влиять на решения.

Во-вторых, пока неизвестно, будет ли новое направление прибыльным.

Как объяснял Лу Чжаоань отцу — первые месяцы точно будут убыточными, пока не откроется рынок.

Юань Жуй не хотел подводить друга.

— Я не совсем понимаю, что между тобой, Кэюэ и семьёй Ши, но... он единственный, кто всегда верил в меня.

Говоря это, Юань Жуй вдруг вспомнил, как Ши Юньнань хвалил его в хранилище, и мысленно добавил: Ну, ты второй.

У него действительно был талант к оценке камней, но для таких мастеров, как отец, это был базовый, ничего не стоящий навык.

Ши Юньнань смотрел на опьяневшего, но неожиданно искреннего Юань Жуя и понимал:

Тот, выросший под градом унижений, отчаянно нуждался в одобрении извне.

А Се Кэюэ умел воду превращать в мёд словами. И скорее всего, с самого начала преследовал свою выгоду.

Хотя во сне-предзнаменовании Се Кэюэ действительно считал Юань Жуя другом. Возможно, их дружба началась именно так.

— После моего отказа Кэюэ сказал, что готов рискнуть, даже если проект провалится.

Но с одним условием — чтобы Юань Жуй представлял его интересы в новом направлении.

Он объяснил, что занят в компании Ши и не может участвовать лично, ограничившись лишь инвестициями.

— Кэюэ верит в мои способности и считает, что я лучше других смогу защитить семейное дело. А окончательные решения всё равно останутся за Лу Чжаоанем.

Ши Юньнань едва сдержал усмешку.

Се Кэюэ мастерски изобразил доброжелателя: и Юань Жуя обласкал, и сам остался в стороне.

Видимо, после провала предыдущих проектов он стал осторожнее.

Но главное — «попаданец» никогда не вкладывался без уверенности в успехе. Если он выбрал семью Юань — значит, направление точно окупится.

Юань Жуй допил остатки алкоголя и прислонился к стене: — Он убедил меня... но у меня был и свой, постыдный интерес.

— Какой?

— ...Я хотел помочь ему.

Ши Юньнань на секунду замер, осознав, что речь о Лу Чжаоане. Даже без слов он понял ход мыслей Юань Жуя:

Нарушив семейную традицию, Лу Чжаоань взял на себя весь груз критики. В случае провала обвинения пали бы на него одного.

Но с инвестициями Се Кэюэ финансовое давление уменьшилось бы.

А участие Юань Жуя в закупках камней тоже могло помочь. И даже если бы всё провалилось — вину разделили бы на двоих.

Хотя большую её часть всё равно взвалили бы на Юань Жуя — как на «неудачливого» наследника.

Пока Ши Юньнань размышлял, Юань Жуй, захмелев, разрыдался: — Я специально заказал зал... хотел серьёзно объяснить, что тоже могу помочь семье...

Но отец даже слушать не стал.

Разочарование заставило его резко ответить — отсюда и ссора, которую услышали соседи.

— А Се Кэюэ? Откуда он взялся? — прямо спросил Ши Юньнань.

Того не было среди гостей при встрече в лифте.

— Я предупредил его, чтобы не приходил, — Юань Жуй покачал головой.

Он хотел сначала убедить родителей, а потом уже знакомить их с другом.

Так, даже при неудаче, их дружба не пострадала бы.

— Наверное, он волновался и пришёл поддержать... И что? Отец при нём ещё больше разозлился... Я пытался сдержаться, но не смог...

Юань Жуй сжался, его недавняя уверенность рассыпалась в прах.

— Ши... Ши Юньнань, — он поднял глаза, полные непролитых слёз. — Для посторонних... я правда такой... ничтожный?

Настолько ничтожный, что даже самые старания не заставят поверить в него?

Глядя на сдерживающего рыдания Юань Жуя, Ши Юньнань почему-то вспомнил Золотую рыбку — может, из-за детской пухлости щёк.

Он подвинулся ближе: — Ты хоть и заносчивый и избалованный, но в душе неплох. Никто не идеален — ни ты, ни я.

Ши Юньнань порылся в карманах — бумажных платков с собой не оказалось.

— Плачь, если хочется. Я смеяться не буду.

«...»

Губы Юань Жуя дрогнули, и слёзы хлынули потоком.

Годы накопленных обид и неуверенности вырвались наружу. Неожиданно он прислонился к

плечу Ши Юньнаня.

Тот на секунду застыл, но, услышав рыдания, опустил руку.

— Я не притворяюсь... Я правда хотел помочь... Почему он всегда только ругает меня?

Чем больше ругали — тем больше он боялся ошибиться. Чем больше боялся — тем хуже получалось.

Когда-то он с радостью бегал за Лу Чжаоанем, называя его «старшим братом». Но постепенно пропасть между ними росла.

Пока он не осознал — догнать его невозможно.

Смирившись, Юань Жуй опустил руки, наблюдая, как учителя и старшие возносят Лу Чжаоаня, а сам оставался в тени.

Чем больше тот уступал — тем сильнее он сопротивлялся.

...

Юань Жуй всхлипывал, начал икать.

Ши Юньнань не ожидал увидеть его таким — пьяным, цепляющимся за него, промочившим половину его пальто.

Не выдержав, он достал телефон и отправил Лу Чжаоаню геометку с подписью: «Приходи за своим плаксой».

Лу Чжаоань появился менее чем через двадцать минут.

Запыхавшийся, с нерассеивающейся тревогой в глазах, он едва перевёл дух: — Господин Ши, благодарю вас.

Несмотря на запрет учителя, он всё же выбежал из зала, но Юань Жуй выключил телефон, и найти его было невозможно.

Тот, наплакавшись, уснул и даже похрапывал.

«...»

Ши Юньнань не скрывал брезгливости: — Тяжело вам с таким младшим братом.

Лу Чжаоань молча взвалил Юань Жуя на спину.

Подняв пустые бутылки, Ши Юньнань добавил: — Господин Лу, честно говоря, у меня с Се Кэюэ плохие отношения. Если семья Юань примет его инвестиции, я, вероятно, откажусь от сотрудничества.

Тратить силы на заработок для врага?

Не в его правилах.

Лу Чжаоань покачал головой: — Учитель не планирует сотрудничать с Се Кэюэ. Его резкие слова за столом — попытка дать тому понять.

Как гостя, Се Кэюэ нельзя было грубить напрямую, вот Юань Пугуан и обрушился на сына.

Но, привыкший к жёсткости, он не учёл чувства Юань Жуя.

— Тогда я тоже пойду.

Кивнув, Ши Юньнань спустился с ними.

Когда его машина скрылась из виду, Лу Чжаоань поправил Юань Жуя на спине.

Тот, даже во сне, обхватил его крепче.

— Старший брат...

Шёпот заставил Лу Чжаоаня замереть. В глазах мелькнуло что-то сложное.

Молча, он направился к парковке.

...

Когда Ши Юньнань вернулся, Сяо Цзиньюй и остальные уже спали.

Ло Линшэн, услышав шаги, отложил документы и выкатился из кабинета.

Их взгляды встретились.

— Думал, вы уже спите, — улыбнулся Ши Юньнань.

— Нет. Ждал тебя.

Ло Линшэн взглянул на мокрое пятно на пальто: — Нашёл Юань Жуя? Что случилось с одеждой?

— Длинная история. Закончил с работой? Расскажу в комнате.

Заперев дверь спальни, Ши Юньнань сел на кровать и поделился произошедшим.

Ло Линшэн не был болтлив, поэтому можно было говорить без утайки.

— Теперь я уверен — Юань Жуй не плох. Просто ему не хватает поддержки, оттого он такой неуравновешенный.

— Таким легко манипулировать.

— Имеешь в виду Се Кэюэ?

— М-м, — кивнул Ши Юньнань.

Конечно, выбор друзей — личное дело. Он не станет, как Се Кэюэ, поливать того грязью.

Тыча пальцем в пятно, он рассмеялся: — Ты бы видел! Я встречал его четыре-пять раз — всегда такой надменный. А сегодня вдруг разревелся в жилетку!

«...»

Взгляд Ло Линшэна чуть потемнел: — Он тебя обнимал?

Ши Юньнань, увлечённый рассказом, не заметил: — Ага. И пьяный силён, не вырваться. Интересно, вспомнит завтра — будет избегать меня?

— В чём-то он даже менее зрелый, чем наш Сяо Цзиньюй. Забавный.

«...»

Ло Линшэн молчал.

Ему не нравилось, как Ши Юньнань говорит о Юань Жуге — с какой-то... теплотой.

— Ты меня вообще слушаешь?

— Слушаю.

— И что я сказал?

Пальцы Ло Линшэна сжали подлокотник: — Снимай пальто. Иди в душ.

— Ладно.

Ши Юньнань нарочно медленно снял пальто: — Муженёк, что с ним делать? Стоит ведь несколько десятков тысяч.

Ло Линшэн, поняв намёк, резко притянул его к себе: — Выбросим.

И...

Теперь моя очередь обнимать.

Отредактировано Neils июль 2025г.

п/п: яре-яре.... Ребятки, я же не один этих «братьев» шиперю????? Как только старший приемный появился, я сразу такой ооооо. Вот бы вы поженились. Тогда раздора в семье не было. Братья СР!!

<http://bllate.org/book/12798/1129495>